

ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ

— ГОРЕЛЬКО ВАЛЕРИЯ —

18+

Валерия Горелько

Игра на выживание

<https://litres.ru/74615278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Ветрова - шпионка. Её задача внедриться в империю Максима Леонтьева, безжалостного криминального авторитета, и уничтожить его изнутри. Она умна, холодна и готова на всё. Но она не готова к нему.

Максим - хищник. Он читает людей, как открытые книги. Он видит ложь за километр. И с первого дня он знает, что Алиса врёт. Но вместо того чтобы уничтожить её, он начинает игру. Игру, где правила устанавливает он. Игру, где она пешка, которая думает, что играет в свои шахматы.

Она пришла его уничтожить. Он решил сделать её своей. Но кто же выиграет эту партию — хищник или его добыча?

Содержание

Глава 1. Дьявол носит кашемир	4
Глава 2. Белые хлопковые трусики	17
Глава 3. Брат 2	28
Глава 4. Страстный ужин	42
Глава 5. Ставка	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Валерия Горелько

Игра на выживание

Глава 1. Дьявол носит кашемир

Лифт поднимался на двадцать седьмой этаж с плавным, почти ласковым гулом, но Алиса чувствовала, как этот гул отдается не в ушах, а в позвоночнике. Каждая цифра на табло вспыхивала с мерзкой четкостью: 5... 8... 12... Она считала их, как заключенный считает шаги до эшафота, но лицо ее оставалось невозмутимым. Она провела пальцем по краю блокнота, проверяя, не вспотела ли ладонь. Нет. Сухо. Холодно. «Ты - профессионал, - сказала она себе голосом строгой учительницы. - Ты разрушала корпорации покрупнее. Этот ублюдок просто очередная цель».

Но когда двери лифта разъехались с тихим шипением, и она ступила на белый мраморный пол приемной, ее внутренний голос заткнулся. Потому что приемная пахла им. Запах витал в воздухе как невидимый туман: дорогой табак без дыма, кожаные кресла, пропитанные кондиционером, и мужской одеколон: резкий, с нотками черного перца и бергамота, который, казалось, сочился из стен. Алиса сделала глубокий вдох, и у нее пересохло в горле. Она вдруг поняла, что этот запах она запомнит навсегда, даже если завтра Максим

умрет.

- Доброе утро! - пропела секретарша, сияя пластиковой улыбкой. У нее были удивительно белые зубы, такие белые, что казались фарфоровыми. Имя на бейджике гласило: «Ангелина». - Вы Алиса Ветрова? Максим Сергеевич предупредил, что вы придете. Он очень... заинтересован в вашей встрече.

Алиса заметила, как Ангелина чуть заметно закатила глаза, произнося слово «заинтересован», и внутренне усмехнулась. «Даже секретарша знает, что он монстр». Она вежливо кивнула и села в кожаное кресло, стоящее у стеклянной стены. Вид на Москву открывался потрясающий: серое зимнее небо, рваные облака, башни «Сити», утыкающиеся в них острыми шпилями. Все это выглядело как декорации к фильму.

Алиса положила ногу на ногу и заметила, что юбка задралась выше колена. Она не поправила ее. Она позволила себе на секунду прикрыть глаза и представить, как Максим выйдет из кабинета. Она изучила его фото: широкие плечи, массивная челюсть, татуировка паука на шее. На фото он выглядел как модель для обложки мужского журнала: сдержанный, холодный, неприступный. Но фотографии не передают запаха. Или того, как он двигается. Алиса знала, что тело выдаст истинную сущность человека, и она готовилась считывать каждое его движение.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Алиса достала теле-

фон, чтобы проверить время, но экран был пуст, она специально выключила его, чтобы не отвлекаться. Она чувствовала, как в приемной становится тихо, слишком тихо. Даже клавиши пальцев Ангелины, стучавшей по клавиатуре, звучали приглушенно. И в этой тишине Алиса слышала шаги за дверью. Тяжелые. Уверенные. Шаги человека, который не сомневается в том, что мир вращается вокруг его воли.

Дверь открылась.

Максим стоял на пороге, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нее с такой беззастенчивой наглостью, что у Алисы перехватило дыхание. Он был не просто высоким, он был огромным. Черная рубашка из тонкого кашемира обтягивала его плечи так плотно, что Алиса видела, как перекачиваются мышцы под тканью, когда он скрещивал руки на груди. Татуировка черного паука с красными глазами выползла из воротника и тянулась к ключице, словно готовилась укусить. Волосы густые, темные, с едва заметной сединой на висках, были чуть влажными, и одна прядь падала на лоб. Он только что из душа, поняла она. Или из спортзала. От него исходил пар: физический, животный жар, который она почувствовала даже на расстоянии нескольких метров.

Но самое страшное были его глаза. Стальные. Холодные. В них не было ни капли тепла, только ледяная насмешка и интерес. Интерес хищника, который нашел необычную добычу. Он смотрел на нее так, будто раздевал ее не взглядом, а руками - медленно, методично, начиная с красной блузки

и заканчивая туфлями. И когда его взгляд остановился на ее ногах, Алиса почувствовала, как по внутренней стороне бедер пробежали мурашки. Она не была застенчивой, но от этого взгляда ей захотелось прикрыться.

- Алиса, - произнес он, и голос его прозвучал как низкий аккорд виолончели с хрипотцой, с ленцой, с такой интимной ноткой, что она едва не вздрогнула. - Ну наконец-то. Ангелина, - он бросил взгляд на секретаршу, и та мгновенно вжала голову в плечи, - не подавай нам кофе. Я сам сделаю.

Алиса поднялась с кресла, чувствуя, как ее сердце начинает стучать быстрее, более глухо, тяжелее, где-то в горле. Она сделала шаг, два, и остановилась напротив него. Ей пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и это движение было почти унижительным, она не привыкла смотреть на мужчин снизу вверх.

- Здравствуйте, Максим Сергеевич, - сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Благодарю за приглашение.

Он усмехнулся, и эта усмешка исказила его лицо, сделав его почти злым. Ямочка на левой щеке углубилась, глаза сузились.

- Благодарю? - переспросил он, наклоняя голову. - Какая ты вежливая. - Он пропустил ее вперед в кабинет, и когда она проходила мимо, его рука на мгновение коснулась ее поясицы. Так легко, что она могла бы подумать, что это случайность. Но Алиса знала: случайностей не бывает. Кончики его пальцев обожгли кожу сквозь шелк блузки, и она почув-

ствовала, как этот ожог разливается по позвоночнику, опускаясь ниже, в основание живота.

Кабинет открылся перед ней во всей своей пугающей красоте. Панорамные окна на всю стену, серое небо, похожее на остывший пепел, и гигантский стол из темного дуба пустой, без единой бумаги. Только телефон, монитор, и... странный предмет на краю стола. Алиса присмотрелась. Это был кинжал. Старый, с узорчатой рукоятью и лезвием, которое тускло поблескивало в свете ламп. Ее дыхание перехватило. «Он держит нож на столе, - подумала она. - Прямо как отчим». Она заставила себя отвести взгляд и улыбнуться.

- У вас интересный интерьер, - сказала она, садясь в кресло напротив стола. - Мрачный. Дорогой. Чувствуется, что вы любите контролировать пространство.

Максим не сел. Он обошел стол, остановился позади ее кресла, и она почувствовала его запах снова, теперь отчетливее, ближе. Табак, пот, дорогой лосьон после бритья. Он был так близко, что она слышала его ровное, спокойное, как у спящего зверя дыхание.

- А ты любишь анализировать, - сказал он тихо, и его голос раздался прямо над ее макушкой. - Ты всю жизнь пытаешься понять, что за человек перед тобой, чтобы подготовиться к удару. Я прав?

Алиса сжала пальцы на блокноте. Она не оборачивалась, чтобы не показывать, как сильно он прав. Но она чувствовала, как его близость давит на нее, как невидимый груз.

- Все люди - как открытые книги, - ответила она, стараясь говорить спокойно. - Достаточно уметь читать.

- О, я умею читать, - сказал он, и вдруг его рука легла ей на плечо. Массивная, горячая ладонь легла так естественно, будто он имел на это право. Ее плечо покрылось мурашками, и она была уверена, что он это почувствовал. - Я читаю тебя прямо сейчас, Алиса. Твое сердце колотится как бешеное. Ты боишься? Или возбуждаешься? Или ты из тех, у кого эти чувства перемешаны так, что ты сама не знаешь?

Она медленно, очень медленно повернула голову и посмотрела на него снизу вверх. Его лицо было так близко, что она видела поры на коже, темную щетину на щеках, тонкую паутинку сосудов в уголках глаз. Он смотрел на нее с вызовом, с насмешкой, и его губы - чувственные, чуть припухшие - были так близко, что она могла бы поцеловать их, если бы протянулась.

- Я знаю, - сказала она, и ее голос не дрогнул. - Я знаю, что вы пытаетесь меня запугать. И я знаю, что вы проверяете, сломаюсь ли я. Не сломаюсь. Меня уже ломали, Максим Сергеевич, и я собрала себя по кусочкам. Так что давайте закончим этот цирк, приступим к собеседованию.

Он выдержал паузу. Секунду. Две. Пять. Его пальцы чуть сжали ее плечо, и Алиса почувствовала, как на коже остаются следы. Затем он расхохотался громко, искренне, от души. Смех его был как удар большого колокола: мощный, низкий, почти благозвучный. Он отошел на шаг, провел рукой

по своим влажным волосам и сел напротив нее.

- Цирк, - повторил он, ухмыляясь. - Ты назвала это цирком. Боже, какая же ты потрясающая. - Он откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу, и Алиса заметила, какие у него длинные ноги, как обтянуты дорогой черной тканью брюк. - Хорошо, Алиса. Давай по-деловому. Я прочитал твоё резюме, и оно вызывает у меня противоречивые чувства. С одной стороны, ты гений. Ты провела три сделки по слиянию, которые принесли твоим бывшим работодателям миллионы. С другой стороны... - он взял папку со стола и открыл ее, - здесь написано, что ты ушла из каждой компании с громким скандалом. Сексуальные домогательства, финансовые нарушения... Что-то не сходится. Ты или очень талантливая авантюристка, или очень талантливая жертва. Что из этого правда?

Алиса выпрямилась. Ее пальцы перестали дрожать. Теперь она была в своей стихии — в стихии лжи, приправленной правдой.

- Оба варианта, - сказала она честно. - В первой компании директор пытался затащить меня в постель. Я отказалась, и он обвинил меня в краже. Я выиграла суд, но ушла. Во второй компании начальник финансового отдела мухлевал с отчетностью. Я это вскрыла, и меня уволили как неудобного свидетеля. - Она пожала плечами. - Я не создаю скандалы. Я просто не умею молчать, когда вижу несправедливость. Если это вас не устраивает, я уйду сейчас.

Максим слушал ее, подперев подбородок ладонью. Его глаза бегали по ее лицу, и она знала: он проверяет каждое слово на детекторе лжи, который у него встроен в мозг. Но она не лгала. Она просто дозировала правду.

- Несправедливость, - повторил он с усмешкой. - Ты ищешь справедливости. Милая, в этом мире нет справедливости. Есть только сила и слабость. - Он подался вперед, положив руки на стол, и его лицо стало серьезным. - Ты сильная, Алиса? Докажи. Скажи мне, что ты чувствуешь, когда стоишь передо мной. Только честно. Я ненавижу ложь.

Она смотрела в его стальные глаза и понимала, что сейчас начнется самое опасное. Она могла солгать, сказать, что она спокойна и собрана. Но он бы прочитал эту ложь за секунду. Поэтому она решила быть почти честной.

- Я чувствую... опасность, - сказала она медленно, подбирая слова. - От вас исходит угроза. Вы похожи на хищника, который готовится к прыжку. - Она сделала паузу, и ее голос стал тише. - Но я не чувствую страха. Я чувствую... злость. На себя за то, что вы меня зацепили. И на вас за то, что вы позволяете себе так нагло меня разглядывать.

Максим смотрел на нее с настоящим, искренним восхищением. В его глазах вспыхнул синий огонь, и он медленно облизнул нижнюю губу. Этот жест был настолько откровенно сексуальным, что у Алисы пересохло во рту.

- А ты замечательная, - сказал он почти шепотом. - Ты не просто умная, ты еще и честная с собой. Это редкость. - Он

встал, подошел к бару, стоящему в углу, и налил себе бокал виски. - Будешь?

- Рано утром не пью, - сказала она. - У меня еще рабочий день впереди.

- Рабочий день начнется завтра, - ответил он, даже не обернувшись. - Сегодня у нас знакомство. - Он сделал глоток, запрокинув голову, и Алиса видела, как двигается его кадык, как напрягаются мышцы шеи. Он поставил бокал и подошел к ней, остановившись в шаге. - Знаешь, что я заметил, когда ты вошла? Ты смотрела на кинжал на моем столе. Ты чуть не вздрогнула, когда его увидела. Почему? Ты боишься оружия? Или ты боишься того, кто может его использовать?

Алиса заставила себя не отводить взгляд. Она чувствовала, как пот начинает выступать на верхней губе, но заставила себя улыбнуться.

- Я не боюсь оружия, - сказала она. - Я боюсь мужчин, которые любят им хвастаться. Оружие - это фаллический символ. Но я подозреваю, что у вас с этим все в порядке, и вам не нужно ничего доказывать. Так что нож просто украшение.

Он замер. Затем его глаза расширились, и он расхохотался снова. На этот раз так громко, что зазвенело стекло в шкафу.

- Господи, ты невыносима! - воскликнул он, хлопнув ладонью по столу. - Фаллический символ! - Он внезапно наклонился, упершись ладонями в подлокотники ее кресла, и оказался так близко, что она видела отражение своего лица

в его зрачках. Его дыхание теплое, с ноткой виски коснулось ее губ. - Но знаешь, что самое смешное? - прошептал он. - Ты права. Я действительно не нуждаюсь в этом ноже. Потому что я ломаю людей без оружия. Одними словами. Одним взглядом. - Он провел пальцем по ее руке, от запястья к локтю, и Алиса почувствовала, как этот жест отозвался в груди, в животе, где-то глубоко и влажно. - Хочешь проверить? Прямо сейчас?

Она хотела сказать «нет». Она хотела встать, взять свою сумку и уйти, потому что этот мужчина был опаснее, чем она себе представляла. Он не просто абьюзер, он был манипулятором экстра-класса. Он брал ее за руку, и она чувствовала, как ее пульс подстраивается под его пульс. Но она была шпионом. Она была агентом внедрения. И она заставила себя улыбнуться и качнуть головой.

- Проверяйте, - сказала она тихо. - Я не боюсь ваших игр.

Максим выпрямился, и его лицо стало серьезным, почти холодным. Он отошел к столу, взял папку с ее резюме и небрежно бросил ее в мусорную корзину.

- Ты принята, - сказал он. - С этого момента ты работаешь на меня. И еще. Первое задание: с завтрашнего дня ты носишь юбки не выше колена, блузки без выреза и никакого красного. Запомнила?

Алиса встала и посмотрела на него с вызовом. Она хотела сказать, что не позволит указывать ей, что носить. Но она была умнее. Она кивнула:

- Я запомнила. Только скажите, Максим Сергеевич, - она шагнула к нему и остановилась так близко, что ее грудь почти касалась его груди, - а вы мне будете указывать, какие трусики надевать? Или это решаю я?

Он замер. Его челюсть дрогнула, глаза потемнели. На мгновение он потерял контроль, и Алиса увидела в его взгляде нечто такое, что заставило ее сердце пропустить удар. Голод. Чистый, животный голод.

- Буду, - сказал он хрипло. - Если ты, конечно, позволишь. - Он провел пальцем по ее подбородку, приподнимая его, и его дыхание коснулось ее губ. - Я хочу, чтобы ты пришла завтра в белых хлопковых трусиках. Запомнила?

Она сглотнула, чувствуя, как между ног становится влажно, как предательски размягчаются колени.

- Запомнила, - прошептала она. - Теперь я пойду?

Он отступил на шаг, и холод вернулся к нему, как маска.

- Иди, - сказал он. - У тебя ровно двадцать четыре часа, чтобы передумать.

Алиса развернулась и пошла к выходу. С каждым шагом она чувствовала его взгляд на своей спине. Тяжелый, горячий, почти осязаемый. Она взялась за ручку двери, но его голос остановил ее:

- Алиса.

Она обернулась.

Он стоял, скрестив руки на груди, и улыбался так, как улыбается сытый кот, который только что загнал мышь в

угол.

- Ты забыла кое-что, - сказал он. - Твой блокнот. Там же написаны все твои гениальные мысли.

Она посмотрела на кресло: блокнот лежал там, открытый на первой пустой странице. Но у нее внутри все похолодело. Она помнила, что на предыдущей странице были записи: заметки о его привычках, о слабостях, о плане внедрения. Если он видел их...

Она вернулась к креслу, взяла блокнот и засунула его в сумку. Сердце колотилось так, что ей казалось, он слышит его стук.

- Спасибо, что заметили, - сказала она максимально спокойно.

- Не за что, - ответил он.

Она вышла из кабинета, и когда дверь за ней закрылась, она прислонилась к стене, чувствуя, как ноги подкашиваются. Ангелина смотрела на нее с сочувствием и сказала:

- Он всегда так делает. Вы привыкнете.

Алиса кивнула, зашла в лифт и, когда двери сомкнулись, сжала блокнот так, что хрустнули костяшки. Она поднесла его к лицу, вдохнула запах и уловила едва заметный аромат его одеколона. Он касался блокнота. Он знал, что там.

Она закрыла глаза, и перед ней встал его образ: стальные глаза, чувственные губы, пальцы, которые обжигали ее шею. И она поняла, что дрожит не от страха. Она дрожит от возбуждения. Такого острого, такого стыдного, что она хотела

бы ударить себя ладонью по щеке.

Она вышла из здания, вдохнула холодный февральский воздух, и ее дыхание замерзло на губах. Она шла по улице, и внутри нее боролись две силы: шпионка, которая планировала его уничтожить, и женщина, которая уже тонула в его голосе. И Алиса знала: эта игра будет стоить ей жизни.

Глава 2. Белые хлопковые трусики

Ночь была долгой, как приговор.

Алиса лежала на спине в своей узкой кровати, уставившись в потолок, где тени от уличных фонарей рисовали причудливые узоры. Она пыталась заставить свой мозг замолчать, просто выключиться, как перегоревшую лампочку. Но он не выключался. Он прокручивал вчерашний день снова и снова, как заезженную пластинку: его голос, низкий и хрипловатый, его пальцы на её пояснице, его дыхание у самых губ. И это дурацкое задание..белые хлопковые трусики. Она перевернулась на бок, сжала подушку и зарылась лицом в прохладную ткань, надеясь, что физический дискомфорт пересилит ментальный. Но вместо этого она вспомнила, как он смотрел на неё, когда она спросила про бельё. В его глазах на мгновение мелькнуло что-то первобытное, голодное, и она тогда почувствовала, как низ живота сжался от предвкушения.

Отвратительно, - подумала она. - Ты шпионка, а не девочка на побегушках. Ты должна ненавидеть его, а не мечтать о его руках.

Но тело её не слушалось. Оно помнило каждое прикосновение: как его пальцы обожгли поясницу, как его дыхание коснулось её губ, как он приказал ей надеть определённое бельё. Она провела рукой по своему животу, опустила ни-

же, и внутренний голос зашептал: «Представь, что это его пальцы». Она резко отдернула руку, вскочила с постели и подошла к окну. За стеклом серел февральский рассвет, на подоконнике лежал слой снега. Она прижалась лбом к холодному стеклу и сказала себе вслух:

- Алиса, ты играешь с огнём. Ты знаешь, кто он. Он будет унижать тебя, ломать, использовать - и ты позволишь ему, потому что у тебя есть план. Ты просто должна вытерпеть. Но если ты позволишь себе чувствовать к нему хоть что-то, кроме ненависти, - ты проиграла.

Она вздохнула, отошла от окна и направилась в ванную. Горячая вода обожгла кожу, но она не уменьшала температуру, пусть боль отрезвляет. Она стояла под душем, закрыв глаза, и пыталась представить, как сегодня будет выглядеть этот день. Он сказал, что она принята. Значит, сегодня её первый рабочий день. Значит, она увидит его снова. И ей нужно будет делать вид, что она послушная сотрудница, пока она копает под него. Но это «белое хлопковое» задание висело над ней как дамоклов меч. Она могла послушаться. Надеть чёрное кружевное бельё, чтобы показать, что она не подчиняется. Но тогда он разозлится и, возможно, выгонит её до того, как она доберётся до компромата. Или, что хуже, он заставит её снять бельё прямо в кабинете, и она окажется ещё более уязвимой. Нет, лучше сделать вид, что она согласна. Пусть он думает, что она подчиняется. Пусть он тешит своё эго. Это только приблизит его крах.

Она вытерлась полотенцем и открыла ящик с бельём. Бельё было дорогим, но не кричащим: шёлк, кружево, бежевый, чёрный, телесный. И среди этого великолепия лежала пара самых простых белых хлопковых трусиков, купленных когда-то для похода в спортзал. Она взяла их в руки и почувствовала, как ткань мягко обволакивает пальцы. Простые, удобные, почти детские. Она усмехнулась своей глупости, но надела их. Потом надела строгую чёрную юбку-карандаш до колена (как он и приказал), белую блузку с высоким воротником (никаких вырезов) и пиджак в тон юбке. Она посмотрела на себя в зеркало: серая мышь, офисный планктон, послушная девочка. И только глаза горели синим огнём - огнём мести. Она заколола волосы в тугой пучок, взяла блокнот (новый, чистый), сумку и вышла из квартиры.

В лифте она поймала себя на мысли, что белые трусики ощущаются странно. Они не скользили, не облегали, просто были, как напоминание о том, что она согласилась играть по его правилам. Когда лифт остановился на первом этаже, она почувствовала, что между ног стало влажно. Просто от мысли, что сегодня он может их увидеть.

Бизнес-центр «Алмаз» встретил её гулом кондиционеров и запахом кофе. Она прошла через турникет, надела бейдж, полученный на ресепшене, и поднялась на двадцать седьмой этаж. В приёмной Ангелина уже сидела за столом, поправляя причёску. При виде Алисы она улыбнулась с лёгкой иронией:

- О, вы пришли. Максим Сергеевич уже в кабинете. Он

просил вас зайти сразу, как появитесь.

- Без кофе? - уточнила Алиса, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

- Он сказал, что кофе будете пить у него, - ответила секретарша, поджав губы. - Выглядите... собранно. Удачи.

Алиса кивнула и двинулась к двери кабинета. Она не постучалась. Она просто взялась за ручку, сделала глубокий вдох и вошла.

В кабинете было полутемно. Шторы на панорамных окнах были задёрнуты, и серый свет пробивался лишь в узкие щели, создавая призрачные полосы на полу. Максим стоял у окна, спиной к двери, в одной расстёгнутой рубашке. Она видела его широкие плечи, лопатки, которые двигались под тканью, когда он потягивался. Он обернулся на звук её шагов, и его лицо осветилось ухмылкой, той самой, от которой у неё подкашивались колени.

- Алиса, - произнёс он, и голос прозвучал как низкий аккорд виолончели. - Ты точна, как швейцарские часы. Входи, запирай дверь.

Она на мгновение заколебалась, но послушалась. Щелчок замка прозвучал в тишине как выстрел. Она осталась стоять у двери, чувствуя себя мышью в клетке.

Максим медленно подошёл к своему столу и сел в кресло, откинувшись на спинку. Рубашка на нём была расстёгнута почти до пупка, и она видела рельеф его груди, тёмные завитки волос, татуировку паука, который словно спускался к

соску. Он положил ногу на ногу и сложил руки на животе. Его глаза скользнули по ней медленно, как рука, и остановились на уровне бёдер.

- Ты думаешь, я не вижу, как ты стоишь? Ты сжимаешь бёдра, будто пытаешься спрятать то, что я и так знаю. - Он подался вперёд, опершись локтями на стол, и его глаза сузились. - А теперь подойди сюда и покажи мне.

Алиса застыла. Внутри всё похолодело, но где-то внизу живота вспыхнул жар.

- Вы хотите, чтобы я... - начала она, не веря своим ушам.
- Я хочу, чтобы ты подошла, - перебил он, и в голосе его не было ни капли шуток. - Подошла, подняла юбку и показала мне, что ты надела. Это мой офис, мои правила. Если ты собираешься работать на меня, ты должна привыкнуть, что я проверяю всё. Дресс-код в том числе.

Она стояла и смотрела на него, чувствуя, как кровь отливает от лица и приливает к щекам. Её руки дрожали. Она сжала их в кулаки, чтобы он не заметил. «Ты шпионка, - напонила она себе. - Ты можешь вытерпеть унижение. Это только часть игры». Она сделала шаг вперёд. Второй. Третий. Она остановилась перед ним, на расстоянии вытянутой руки. Он сидел, глядя на неё снизу вверх, но смотрел так, будто он был на голову выше. Его глаза прошлись по её лицу, по шее, по блузке, затем опустились на юбку.

- Подними, - сказал он тихо, но приказ прозвучал отчётливо, как удар хлыста.

Алиса заколебалась на мгновение. Затем, с замиранием сердца, она медленно взялась за края юбки и подняла её до бёдер. Белые хлопковые трусики открылись взгляду. Простые, чистые, почти девственные. Она стояла так, дрожа, чувствуя, как прохладный воздух кабинета касается её голых ног. И она видела, как его зрачки расширились, как его дыхание стало глубже. Он смотрел на неё несколько секунд, и в этом взгляде было столько голодной, откровенной жадности, что у неё пересохло во рту.

- Повернись, — приказал он, и его голос стал хриплым.

Она послушно повернулась на месте, и он увидел их сзади. Ту же белую ткань, обтягивающую её ягодицы. Она слышала, как он выдохнул, и этот выдох был похож на рык. Затем его горячая и влажная рука легла на её бедро, и она вздрогнула. Он погладил её по коже, провёл пальцами по краю трусиков, задержался на резинке. Его палец скользнул под ткань, коснулся кожи на ягодице, и Алиса почувствовала, как по позвоночнику пробежала дрожь.

- Послушная девочка, - сказал он почти шёпотом, и в голосе его было столько насмешки, что у Алисы пересохло во рту. - Ты даже не попыталась меня обмануть. Мне это нравится. Но знаешь, что мне нравится больше? - Он отпустил её бедро и откинулся на спинку кресла, глядя на неё с ленивой, хищной улыбкой. - То, что ты дышишь, как загнанная лань, и я слышу, как бьётся твоё сердце. Оно стучит так громко, что заглушает кондиционер. Ты боишься меня, Али-

са? Или ты боишься себя?

Она опустила юбку и повернулась к нему лицом. Её щёки горели, глаза блестели от унижения и злости. Но злость смешивалась с чем-то ещё — с желанием, таким сильным, что она боялась, что он его увидит.

- Я чувствую себя... униженной, - сказала она, и голос её дрогнул. - Но не так, как вы думаете.

Он выгнул бровь, и в его глазах вспыхнул интерес.

- А как?

- Я унижена тем, что мне нравится, как вы на меня смотрите, - сказала она, и слова вырывались прежде, чем она успела их остановить.

Он смотрел на неё несколько секунд, и его лицо было непроницаемым. Затем он встал, обошёл стол и остановился прямо перед ней. Их разделяли миллиметры. Он взял её за подбородок и приподнял голову, заставляя смотреть в глаза. Его пальцы были тёплыми, почти горячими, и она чувствовала, как его большой палец поглаживает её нижнюю губу.

- Доволен, - сказал он тихо, и его голос был как бархат, натянутый на сталь. - Ты честна. Это ценно. - Его пальцы скользнули по её скуле, по шее, и он наклонился к её уху. - Но сначала работа.

Он отстранился, и его голос стал деловым, холодным.

- У тебя есть план на сегодня? Отчёты по третьему кварталу, анализ конкурентов, список контактов. Начни с отчётов. Я хочу видеть ошибки в каждом абзаце.

Она сглотнула, чувствуя, как жар внизу живота пульсирует, но заставила себя кивнуть. Она отошла к своему столу, который стоял в углу кабинета, села, открыла ноутбук и начала работать. Но чувствовала его взгляд на своей спине. Тяжёлый, голодный. И белые хлопковые трусики вдруг стали влажными: от пота или от чего-то другого, она не знала.

Прошло несколько часов. Она перебирала документы, делала пометки, находила ошибки в отчётах, которые были составлены небрежно, словно специально. Она чувствовала себя как на иголках, потому что каждые пять минут он вставал, подходил к бару, к окну или просто обходил её стол, и каждый раз его тень падала на её бумаги, и она сжимала ручку так, что костяшки белели. В какой-то момент он остановился у её стола, взял лист с её пометками, пробежал глазами и усмехнулся.

- Ты нашла семь ошибок в одном отчёте. Гениально. Моя бухгалтерия сборище идиотов. - Он положил лист обратно и наклонился, касаясь грудью её плеча. - Знаешь, что я вижу, когда смотрю на тебя? Я вижу женщину, которая пытается притвориться, что она равнодушна. Но ты не равнодушна. Ты дрожишь каждый раз, когда я прохожу мимо. И это меня заводит больше, чем твои отчёты.

Алиса медленно повернула голову и встретила с ним взглядом. Он был так близко, что она видела, как пульсирует жилка на его виске, как едва заметно подрагивают его ноздри. Она чувствовала запах его одеколона, смешанный с за-

пахом страсти.

- А вы, Максим Сергеевич? - спросила она тихо. - Вы тоже дрожите? Или вы просто наслаждаетесь игрой в кошки-мышки?

Он ухмыльнулся, и его рука скользнула по её плечу, легко сжала его.

- Я наслаждаюсь всем, что связано с тобой, Алиса. Я наслаждаюсь тем, как ты пытаешься сохранить контроль, и тем, как я вижу, что контроль ускользает. - Он внезапно выпрямился и направился к двери. - А теперь собирайся. Мы идём на обед.

- На обед? - переспросила она. - Вы и я?

- Ты и я, - подтвердил он, накидывая пиджак. — Ты должна понять, что я не только зверь, но и человек. И я хочу, чтобы ты знала, каково сидеть со мной за одним столом и не знать, что я сделаю в следующую секунду.

Она последовала за ним в коридор, и когда двери лифта закрылись, он стоял в метре от неё, глядя на свой телефон, но она знала, что он чувствует её, как чувствует свою добычу. Она прижалась спиной к стене лифта, и между ними повисла тишина, которую можно было резать ножом.

Когда они вышли на улицу, ветер ударил в лицо снегом. Он взял её под локоть - всего лишь жест, но она почувствовала, как его пальцы сжались на её предплечье, и ей стало жарко, несмотря на холод. Он повёл её в маленький итальянский ресторан, где они сели в отдельный кабинет, и он зака-

зал бутылку красного вина.

- Ты боишься, что я подмешаю тебе что-то? - спросил он, наливая ей бокал.

- Я боюсь, что я сама себя подмешаю, - ответила она, и он снова улыбнулся той опасной улыбкой, от которой у неё подкашивались колени.

Они говорили о работе, о жизни, о книгах. Он рассказал, что читает Достоевского, и она удивилась. Он не был простым хищником, он был сложным, глубоким, и это делало его ещё более страшным. В какой-то момент он положил свою руку поверх её руки, и она почувствовала, как его большой палец поглаживает её запястье, где билась жилка.

Он откинулся на спинку стула, и его глаза сверкнули в полумраке ресторана. Алиса сидела, чувствуя, как его глаза впиваются в неё, как когти.

- Вы слишком уверены в себе, - сказала она, стараясь улыбнуться. — А уверенность = слабость. Я скоро вам это докажу.

- Докажи, - усмехнулся он. - Я хочу, чтобы ты попробовала. Я хочу, чтобы ты увидела, как я переигрываю тебя, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром. - Он поднял бокал. - За нашу игру, Алиса. Пусть победит сильнейший.

Она чокнулась с ним, и звон стекла прозвенел как предвестник битвы. Вино обожгло горло, но внутри неё разгорался огонь желания, который она не могла погасить. Он просто смотрел на неё, и в этом взгляде было обещание, которое за-

ставляло её сжимать бёдра под столом.

Когда они вышли из ресторана, он повернулся к ней и сказал:

- Завтра в девять. И надень что-нибудь синее. Я хочу видеть, как твои глаза играют с этим цветом.

Она кивнула, и он отпустил её. Она пошла к метро, а внутри неё бушевала буря. Она поняла, что проигрывает. Она проигрывает, потому что каждый его приказ, каждое слово, каждый взгляд делают её слабее, растворяют её волю. И когда она вернулась домой, сняла юбку и увидела в зеркале свои белые хлопковые трусики, она вдруг почувствовала такой острый прилив желания, что рухнула на кровать и зарылась лицом в подушку, пытаясь заглушить крик.

И она знала, что завтра она снова придёт в офис, снова сядет за свой стол, снова будет ловить его взгляд. И она продолжит игру. Потому что остановиться уже не могла.

Глава 3. Брат 2

Алиса пришла в офис в восемь сорок. Синяя блузка с длинным рукавом и высоким воротником плотно облегла плечи, и ткань казалась прохладной, как вода. Серая юбка-карандаш струилась по бёдрам, подчёркивая каждый шаг. Белые хлопковые трусики, черт, она надела их снова, не потому что он приказал, а потому что они стали её маленьким ритуалом. Талисманом. Напоминанием о том, что она может подчиняться внешне, но внутри оставаться свободной.

Москва за окнами бизнес-центра «Алмаз» тонула в сером февральском тумане. Здания расплывались, как акварель на мокрой бумаге, и небо было цвета остывшего пепла. Алиса прошла через турникет, и охранник, молодой парень с прыщавым лицом и скучающими глазами, кивнул ей, даже не взглянув на бейдж. Она уже была здесь своей. Она поднялась на двадцать седьмой этаж, и лифт нёс её вверх с плавным гулом, а в животе у неё сворачивался холодный комок. Тот самый, что всегда просыпался перед опасностью. Тот самый, что она научилась игнорировать.

В приёмной пахло кофе и дорогими духами. Ангелина сидела за стойкой и листала глянцевый журнал «Vogue» с фотографией бледной модели на обложке. Увидев Алису, она отложила журнал и улыбнулась. На этот раз улыбка была не пластиковой, а искренней и тёплой, как свет настольной лам-

пы в тёмной комнате. Между ними установилось что-то похожее на союз. Может быть, потому что Ангелина тоже была женщиной в этом мире мужчин. Может быть, потому что она чувствовала то же, что и Алиса: одиночество в клетке из стекла и хрома.

- Доброе утро, - сказала Ангелина, и её голос звучал мягко, без той дежурной нотки, которая была в первый день. - Вы сегодня рано.

- Привычка, - ответила Алиса, останавливаясь у стойки. Она положила сумку на мраморную поверхность и почувствовала, как холод камня проникает сквозь кожу. - Максим Сергеевич уже там?

- Там. Но у него сейчас... - Ангелина замялась, подбирая слово. Её глаза на мгновение скользнули в сторону двери кабинета с латунной ручкой, - и в них мелькнула тень. - Гость. Точнее, не гость. Свой.

- Свой? - переспросила Алиса, и в голосе её прозвучало любопытство, которое она не смогла скрыть. Она наклонила голову, и прядь волос, выбившаяся из пучка, коснулась её щеки.

Ангелина оглянулась на дверь, потом наклонилась ближе. От неё пахло дорогими духами: что-то цветочное, с ноткой ванили и мятной жвачкой. Она говорила тихо, почти шёпотом, как говорят о вещах, которые не предназначены для чужих ушей.

- Кирилл. Младший брат Максима Сергеевича. Он на-

чальник службы безопасности, но последние полгода был в командировке. В Европе. Что-то проверял, что-то налаживал. Он вернулся вчера вечером. И сегодня с утра уже здесь.

- Брат, - повторила Алиса, и в голове что-то резко щелкнуло, как выключатель. Она вспомнила досье. Там было что-то о брате. Что-то важное. Но она не успела прочитать, куратор торопил, и она пропустила несколько страниц. Теперь она жалела об этом. Она сжала пальцы на ремне сумки, и ногти впились в кожу.

- О, это долгая история, - сказала Ангелина, и в её глазах мелькнула тень, что-то похожее на печаль. - Они не очень похожи. И Кирилл единственный человек, которому Максим доверяет. Наверное.

Алиса кивнула. Слова секретарши падали в неё, как капли воска - медленно, тяжело, обжигая. Она хотела спросить больше, но в этот момент дверь кабинета открылась. Она обернулась.

Из кабинета вышел мужчина. Он был ниже Максима на полголовы, но больше, но шире в плечах, с той основательностью, которая бывает у людей, привыкших к физической работе. Мягкие черты лица, светлые волосы, падающие на лоб, как у мальчишки, и глаза серые, спокойные, тёплые, без той хищной искры, которая горела в глазах его брата. На нём была простая серая футболка и потёртые джинсы, никакого костюма, никакой официальности. Он выглядел как человек, который не пытается казаться кем-то другим. Как человек,

который просто есть.

Он улыбнулся Ангелине, и эта улыбка была настолько радостной, что Алиса почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

- Ангелина, - сказал он, и голос у него был мягкий, низкий, без хрипотцы. - Ты выглядишь потрясающе, как всегда. Не скучала без меня?

- Скучала, Кирилл Сергеевич, - ответила секретарша, и на её щеках вспыхнул яркий, как маков цвет, румянец. - Как Европа?

- Холодная, - сказал он и усмехнулся. - Как и все европейцы. Но ничего. Я вернулся. - Он перевёл взгляд на Алису, и его улыбка стала чуть шире. - А вы, простите, новенькая? Я вас не знаю.

Алиса почувствовала, как её щёки горят. Она не ожидала, что он заговорит с ней. Она не ожидала, что он вообще её заметит, поэтому стояла, как статуя, и в голове билась одна мысль: «Не смотри на него. Не улыбайся. Ты здесь не для этого».

- Алиса, - сказала она, и голос её прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало. - Алиса Ветрова. Я новая помощница Максима Сергеевича.

- Кирилл, - сказал он и протянул руку. - Начальник службы безопасности. Но вы, наверное, уже слышали. Ангелина у нас как радио - всё рассказывает. - Он подмигнул секретарше, и та фыркнула, прикрывая рот ладонью. - Рад познакомиться.

миться, Алиса. Если вам что-то понадобится не стесняйтесь. Я здесь, чтобы помогать.

Она пожала его руку. Ладонь была тёплой и сухой, с грубой кожей на подушечках пальцев, как у человека, который привык работать руками. В этом рукопожатии не было ни капли давления. Только тепло. Только спокойствие.

- Спасибо, - сказала она. - Я запомню.

Он улыбнулся ещё раз и пошёл к лифту. Алиса смотрела ему вслед, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

- Он всегда такой? - спросила она Ангелину, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

- Всегда, - ответила секретарша, и в её голосе было что-то похожее на восхищение. - Он единственный, кто может улыбаться в этом офисе.

Алиса кивнула и толкнула дверь кабинета. Дубовая дверь поддалась тяжело, с тихим скрипом. Максим сидел за столом и смотрел на неё с непроницаемым лицом. Шторы были задернуты, и в кабинете царил полумрак. Только настольная лампа бросала жёлтый свет на его лицо, делая его похожим на статую.

- Ты познакомилась с Кириллом, - сказал он. .

- Да, - ответила она, останавливаясь у двери. - Он оказался... приятным.

Максим усмехнулся, но в усмешке не было веселья. Только холод. Только сталь.

- Приятным, - повторил он. - Да. Он такой. Всегда был. -

Он откинулся на спинку кресла, и кожа тихо скрипнула. Кирилл хороший человек, Алиса. Он не умеет врать и верит в справедливость. - Он сделал паузу, и его глаза сузились, как у кота перед прыжком. - А ты, Алиса? Ты веришь в справедливость?

Она выдержала его взгляд. Внутри всё сжалось, но лицо осталось спокойным.

- Я верю в то, что каждый получает по заслугам.

Он усмехнулся, но глаза остались холодными как лёд, который не тает даже под солнцем.- Тогда будь осторожна.

Он отвернулся к монитору, и она поняла, что разговор окончен. Она села за свой маленький, с поцарапанной столешницей стол в углу кабинета и открыла ноутбук.

После обеда Максим уехал на встречу. Алиса слышала, как хлопнула входная дверь, как стихли его шаги в коридоре. Она подождала десять минут, чтобы убедиться, что он не вернётся, а затем встала и вышла в коридор. У неё было задание: найти комнату охраны. Куратор сказал, что там хранятся записи с камер. Если она сможет получить доступ к архиву записей, она узнает, кто и когда входил в кабинет Максима. И, возможно, найдёт способ обойти систему.

Коридор был пуст. Лампы дневного света гудели под толком, и их свет был холодным, как у больничных ламп. Алиса шла быстро, но не бежала. Бег привлекает внимание. Она спустилась на второй этаж, и там пахло хлоркой и старой краской. Комната охраны находилась за неприметной серой

дверью без таблички, без номера. Просто дверь. Алиса толкнула её и вошла.

Внутри было темно и прохладно: кондиционер работал на полную мощность, и холодный воздух обволакивал кожу, как мокрая ткань. На стене висели мониторы - шесть штук, в два ряда, и на них мерцали изображения с камер: коридоры, холл, лифты, приёмная. В углу стоял стол с пультом управления, и за ним сидел молодой парень в чёрной униформе. У него были коротко стриженные волосы и прыщавое лицо, и он жевал жвачку. Медленно, ритмично, как корова.

Алиса увидела на мониторах Ангелину, которая красила губы, глядя в маленькое зеркальце. Увидела двух охранников в холле, которые играли в телефоны. И увидела кабинет Максима: пустой, тёмный, с задёрнутыми шторами. Сердце её забилось быстрее.

Парень обернулся, когда она вошла, и на его лице мелькнуло удивление. Жвачка замерла у него во рту.

- Вы кто?

- Алиса Ветрова, помощница Максима Сергеевича, - сказала она, и голос её прозвучал ровно и деловито. - Он просил проверить, работает ли камера в его кабинете. Вчера была какая-то помеха.

Парень нахмурился. Он перестал жевать и посмотрел на неё с подозрением.

- Помеха? Не должно быть. Система новая.

- Тем не менее, - сказала Алиса, и улыбнулась холодно,

профессионально. - Он просил проверить. Можете показать мне записи за вчерашний вечер?

Парень заколебался. Он явно не знал, как реагировать. С одной стороны, она была помощницей босса. С другой у неё не было письменного распоряжения. Но Алиса смотрела на него так уверенно, так спокойно, что он сдался. Он вздохнул, и жвачка снова задвигалась у него во рту.

- Ладно. Только быстро. У меня смена через час.

Он повернулся к пульту и начал переключать камеры. Алиса смотрела на экран, и сердце её колотилось так, что она слышала его в ушах. Вот оно. Запись из кабинета Максима. Она видела, как он входит широкими, уверенными шагами, как садится за стол, как открывает сейф. Тот самый сейф за картиной с красной абстракцией, которая кричала о страсти и насилии. Она видела, как он достаёт папку, как листает её, как убирает обратно. И она видела код. Он набирал его быстро, но она успела заметить последовательность: три, семь, один, девять.

- Всё, - сказал парень, выключая запись. - Никаких помех не видно. Система работает нормально.

- Спасибо, - сказала Алиса, и улыбнулась. - Я передам Максиму Сергеевичу, что всё в порядке.

Она вышла из комнаты охраны и прислонилась к стене в коридоре. Холодный бетон обжёг спину через тонкую ткань блузки. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Три, семь, один, девять. Код от сейфа. Она запомнила.

На следующее утро Максим вызвал её в кабинет:

- Сегодня ты будешь работать с Кириллом. В архиве. Нужно разобрать старые документы по «Северному проекту». Он покажет тебе, что где лежит. - Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула тень. - Это не просьба.

- Хорошо, - сказала она, и сердце пропустило удар.

Но перед архивом она зашла в бухгалтерию. Ей нужно было кое-что проверить. Бухгалтерия находилась на четвёртом этаже, и там пахло бумагой и терпким, горьким, как лекарство кофе. За столами сидели женщины в очках, и все они смотрели на неё с любопытством. Алиса подошла к главному бухгалтеру, женщине лет пятидесяти с усталыми глазами и тонкими губами, поджатыми так, будто она всю жизнь ела лимоны.

- Здравствуйте. Я Алиса, помощница Максима Сергеевича. Он просил уточнить по «Северному проекту». Там были какие-то расхождения в отчётах за 2009 год. Вы можете показать мне проводки?

Женщина посмотрела на неё долгим взглядом. В её глазах мелькнуло что-то похожее на быструю, тёмную тень непонимая. Затем она вздохнула и сказала:

- «Северный проект» - это старая история. Мы давно его закрыли. Но проводки остались. - Она подошла к шкафу, и её шаги были тяжёлыми, как у человека, который носит в себе слишком много секретов. Она достала потрёпанную папку с загнутыми углами и положила на стол. - Вот. Только не

спрашивайте меня, почему там такие суммы.

Алиса открыла папку и пробежала глазами по строчкам. Цифры расплывались, но она видела главное: компания «Северный путь» получала деньги за услуги, которые никогда не оказывались?

- Спасибо. Вы очень помогли.

Женщина кивнула.

Архив находился на третьем этаже: длинное помещение с высокими стеллажами, забитыми папками. Пыль висела в воздухе, как золотая взвесь, и свет от лампы дробился на миллионы частиц. Запах был особенный: старые бумаги, клей, что-то кислое, как забродившее вино. Кирилл ждал её у входа. Он был в той же серой футболке и джинсах, и на его руках она снова заметила тонкие, белые, как следы от осколков шрамы.

- Добро пожаловать в ад, - сказал он с улыбкой. - Здесь ничего не убирали с девяностых. Готова к пыли?

- Готова, - сказала она, и улыбнулась в ответ.

Они работали несколько часов. Кирилл показывал ей, как устроена система, где хранятся документы, какие папки можно трогать, а какие нет. Он был терпелив, внимателен, и в его голосе не было ни капли той холодной насмешки, которая звучала в голосе Максима. Когда она ошиблась с номером папки, он не усмехнулся, а просто сказал:

- Ничего. Здесь все путаются. Я сам три месяца не мог запомнить эти цифры. Он отошёл к дальнему стеллажу, и

Алиса осталась одна. Она провела пальцем по корешку старой, потрёпанной, с выцветшей маркировкой «2008–2010. Северный проект» папки. Она чихнула, и звук эхом разлетелся по пустому архиву. Кирилл обернулся от стеллажа и улыбнулся.

- Пыльно, да? Я предупреждал.

Она кивнула и открыла папку. Внутри лежали пожелтевшие листы, договоры, сметы, подписи. Она пробежала глазами по строчкам, и сердце пропустило удар. Вот оно. Название компании-подрядчика «Северный путь». Та же компания, что фигурировала в досье, которое ей передал куратор. Та же, что была замешана в отмывании денег. Та же, что должна была стать ключом к его падению.

Она подняла глаза на Кирилла. Он стоял у стеллажа, спиной к ней, и перебирал какие-то папки. Его плечи были расслаблены, движения спокойны. Он не подозревал. Он не знал, что она ищет. И от этого знания ей стало тошно. Она использовала его. Она закрыла папку и прижала её к груди. В этот момент Кирилл обернулся.

- Нашла что-нибудь интересное? - спросил он, и в его голосе не было подозрения. Только любопытство.

- Нет, - сказала она, и голос её прозвучал ровно. - Только старые отчёты. Тут всё в бумаге, даже смешно. Почему вы не оцифруете архивы?

- Максим не доверяет цифре, - сказал Кирилл, и в его голосе мелькнула тень. - Он говорит, что бумага не врёт. Что

если что-то написано от руки, это уже правда. А всё, что в компьютере, можно стереть. - Он помолчал и добавил тише: - Он вообще мало чему доверяет.

Алиса кивнула и посмотрела на него. Он стоял в нескольких шагах от неё, и свет от лампы падал на его лицо, делая его почти прозрачным. Она решила сменить тему. Не для того, чтобы отвлечь его, а для того, чтобы узнать больше. - А как вообще устроена компания? - спросила она, листая папку. - Я вижу только верхушку. А что там, внизу? Как всё работает?

Кирилл подошёл ближе и сел на край стола, стоящего в углу. Он смотрел на неё с любопытством, но без подозрения.

- Компания - это как айсберг, - сказал он. - Наверху бизнес. Внизу - дочерние фирмы. Ты видела «Северный путь»?

Она кивнула, стараясь, чтобы лицо оставалось спокойным.

- Это одна из старых фирм. Она уже не работает. Но через неё проходили деньги. Я не спрашиваю, зачем тебе это. Ты помощница Максима. Тебе, наверное, нужно разобраться в структуре. Это нормально.

Алиса почувствовала, как внутри что-то сжалось.

- А кто ещё работает с «Северным проектом»? - спросила она, листая страницы. - Я вижу подписи. Но не понимаю, кто эти люди.

Кирилл наклонился и посмотрел на страницу. Его плечо почти касалось её плеча, и она чувствовала тепло его тела.

- Это старые партнёры, - сказал он. - Некоторые уже умерли. Некоторые сидят. Некоторые до сих пор в деле. - Он указал на одну из подписей. - О, вот это, например. Виктор Соколов. Он был главным подрядчиком. Сейчас он живёт в Испании. Говорят, у него вилла на побережье.

Алиса запомнила имя. Виктор Соколов. Она запомнила всё.

- Спасибо, - сказала она, и улыбнулась. - Ты очень помог. Кирилл улыбнулся в ответ.

- Обращайся. Я здесь, чтобы помогать.

Она закрыла папку и встала. Ей нужно было уйти. Немедленно. Потому что если она останется ещё на минуту, она могла сделать что-то глупое.

- Мне нужно идти, - сказала она. - Максим Сергеевич ждёт. - Конечно. Иди. Если что-то понадобится - я здесь.

Она вышла из архива и прислонилась к стене в коридоре. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Она нашла зацепку и имя и даже код от сейфа.

Той же ночью Алиса сидела на полу в своей квартире, скрестив ноги, и перед ней лежали документы. Она сфотографировала каждую страницу папки, которую нашла в архиве и сохранила фотографии на флешку - маленькую, чёрную, которую она прятала в подошве туфли. Она отправила зашифрованное сообщение куратору: «Северный путь». Виктор Соколов. Код 3719.

Она закрыла ноутбук и легла на пол, уставившись в потоло-

лок. В голове крутились мысли: код от сейфа, имя Соколова, записи с камер, добрые глаза Кирилла, холодные глаза Максима, белые хлопковые трусики, его пальцы на её колене, его дыхание на её губах. Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шёл. Сон не шёл, потому что где-то глубоко внутри она понимала: она уже не просто шпионка. Она уже не просто жертва. Она - часть этой игры.

Глава 4. Страстный ужин

Это случилось в четверг, ближе к вечеру, когда серый февральский свет за окнами начал тускнеть, а офис постепенно пустел. Сотрудники уходили домой, и коридоры «Леонтьев Групп» наполнялись той особенной тишиной, которая бывает только в местах, где днём кипела жизнь. Алиса сидела за своим столом в углу кабинета Максима и разбирала бумаги, бесконечные отчёты, сметы, договоры. Её пальцы уже привыкли к шелесту страниц, к запаху старой бумаги, к тому, как чернила расплываются под кончиком ручки. Она работала механически, но в голове крутились мысли: код от сейфа, три, семь, один, девять, имя Соколова, проводки по «Северному пути». Она должна была действовать. Но что-то её останавливало.

Максим уехал час назад на очередную встречу, и в кабинете было тихо, как в склепе. Шторы были задёрнуты, и только настольная лампа бросала жёлтый свет на её бумаги, делая тени длинными и причудливыми. Алиса отложила ручку и потёрла глаза. Усталость накатывала волнами - тяжёлая, липкая, как мёд. Она не спала прошлой ночью. Она лежала в темноте и вспоминала Кирилла, находила между братьями связь.

Дверь кабинета тихо скрипнула. Алиса подняла голову. На пороге стоял Кирилл. Он был в той же серой футболке

и джинсах как будто у него не было другой одежды, и в руках держал два бумажных стакана с кофе. Пар поднимался над стаканами, и запах с ноткой корицы поплыл по кабинету, разгоняя затхлую тишину.

- Я подумал, что ты засиделась, - сказал он, и его голос прозвучал мягко, как свет зари. - Решил принести тебе кофе. Не тот, из автомата. Нормальный.

Он подошёл к её столу и поставил стакан рядом с её бумагами. Его рука на мгновение коснулась её руки. Случайно или нет, она не поняла, и от этого прикосновения по её коже пробежала тёплая дрожь. Она подняла на него глаза и увидела, что он смотрит на неё спокойно, тепло, без той хищной искры, которая горела в глазах его брата.

- Спасибо, - сказала она, и голос её прозвучал тише, чем она хотела. - Ты не должен был.

- Ты выглядишь уставшей. А когда человек устаёт, ему нужен кофе. Или сон. Или... - он замялся, и в его глазах мелькнула тень, - хороший ужин.

Она посмотрела на него, и сердце пропустило удар. Она знала, что будет дальше, чувствовала это по тому, как он стоял, как смотрел, как держал руки в карманах джинсов, будто не знал, куда их деть. Он нервничал. Кирилл - начальник службы безопасности, человек, который не боялся ни бандитов, ни полиции, ни собственного брата нервничал перед ней. И от этого осознания у неё внутри дрогнул пульс.

- Ужин? - переспросила она, и в голосе её прозвучало

удивление, которое она не смогла скрыть.

- Да, - сказал он, и его улыбка стала чуть шире. - Я знаю одно место. Маленький ресторан на Патриарших. Там готовят лучшую пасту в Москве. И там никто не будет смотреть на нас как на экспонаты.

Алиса смотрела на него, и внутри неё боролись две силы. Одна - шпионка, холодная и расчётливая говорила: «Откажись. Ты не можешь сближаться с ним. Он брат твоего врага. Он опасен. Он может узнать, кто ты». Другая - женщина, уставшая и одинокая говорила: «Соглашайся. Ты хочешь этого. Ты хочешь хоть на час забыть, кто ты. Хоть на час стать просто Алисой».

Она сделала глоток кофе. Тёплый, терпкий, с ноткой корицы. И сказала:

- Хорошо.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

- Договорились, - сказал он. - В семь. Я заеду за тобой.

Он улыбнулся ещё раз и вышел из кабинета, оставив её одну с бумажным стаканом в руках и сердцем, которое билось слишком быстро. Алиса закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Кирилл заехал за ней в семь. На этот раз он был не в футболке и джинсах, а в тёмно-синем свитере и серых дорогих брюках. Выглядел так, будто собрался на свидание. Алиса надела чёрное платье с длинным рукавом и юбкой до колена.

Она не хотела выглядеть соблазнительно. Она хотела выглядеть собой. Но когда она вышла из подъезда и увидела, как он на неё восхищённо смотрит, без той хищной жадности, которая была в глазах Максима, она поняла, что это не имеет значения. Он видел её. Настоящую. И это было страшнее, чем всё, что делал Максим.

Ресторан находился в старом особняке на Патриарших с высокими потолками, лепниной на стенах и мягким светом свечей. Там пахло базиликом, чесноком и свежеиспечённым хлебом. Их посадили за столик у окна, и Кирилл заказал бутылку красного терпкого, густого, как кровь вина. Алиса смотрела на него через стол и чувствовала, как напряжение последних дней начинает уходить. Здесь, в этом маленьком ресторане, среди свечей и запаха базилика, она могла быть просто женщиной. Просто Алисой. И это было так странно, что она почти забыла, зачем она здесь.

- Ты давно в Москве? - спросил он, наливая ей вино.

- Всю жизнь, - ответила она. - Родилась здесь. Училась здесь. Работала здесь. Никогда не уезжала.

- А хотела бы?

Она задумалась. Вопрос был простой, но ответ сложный.

- Иногда, - сказала она. - Иногда я думаю, что хотела бы уехать куда-нибудь, где никто меня не знает. Где можно начать всё сначала. - Она сделала глоток вина, и оно обожгло горло. - А ты? Ты много путешествуешь.

- Много, - сказал он. - Европа, Азия, иногда Америка. Но

каждый раз, когда я возвращаюсь, я понимаю, что дома лучше. Здесь всё настоящее. Даже боль.

Она посмотрела на него, и в его глазах мелькнула тень старого, незажившего опыта. Она хотела спросить, что это, но не стала. Она не имела права лезть в его душу. Но она уже была близко. Ближе, чем следовало.

Они говорили о книгах, о музыке, о фильмах. Он рассказал, что любит Чехова, и она удивилась: Максим читал Достоевского, тяжёлого и мрачного, а Кирилл - Чехова, тонкого и грустного. Это было так похоже на них. Они говорили о детстве, он рассказал, как они с братом ловили рыбу на Волге, как Максим всегда защищал его от уличных мальчишек, как он учил его плавать. И в его голосе была любовь. Настоящая. Глубокая. И Алиса чувствовала, как внутри неё что-то сжимается. Потому что она собиралась разрушить эту любовь. Она собиралась уничтожить его брата. И он никогда не простит её.

- А ты? - спросил он, и его голос стал тише. - У тебя есть братья или сёстры?

- Нет, - сказала она. - Я одна.

- Одна, - повторил он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. - Это тяжело.

- Иногда, - сказала она. - Но я привыкла.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и она почувствовала, как между ними повисает что-то хрупкое, как паутина.

- Знаешь, - сказал он, и его голос стал задумчивым, - я

много видел людей. Разных. Хороших и плохих. Но в тебе есть что-то... - он замялся, подбирая слово, - что-то, что не даёт мне покоя. Ты как закрытая книга. Хочется открыть и прочитать. Но я боюсь, что там будет что-то, что мне не понравится.

Алиса почувствовала, как внутри всё сжимается. Она улыбнулась непринуждённо, как училась годами, - и сказала:

- Может, там ничего интересного. Просто старая книга с пожелтевшими страницами.

- Не верю, - сказал он и улыбнулся в ответ. - В тебе слишком много жизни. Слишком много огня. Такие книги не бывают скучными.

Они просидели в ресторане почти три часа. Вино закончилось, и они заказали ещё бутылку. Свечи догорали, и их свет становился мягче, интимнее. Алиса чувствовала, как вино разливается по телу тёплой волной, и напряжение уходит. Она смеялась над его шутками. Она рассказывала ему о своей работе, о том, как она любит разбирать документы, находить ошибки, восстанавливать порядок из хаоса. Она не лгала. Она просто не говорила всей правды. И это было почти честно.

Когда они вышли из ресторана, было уже за полночь. Ночь была холодной и ясной, и снег скрипел под ногами, как сахар. Кирилл предложил пройтись, и она согласилась. Они шли по Патриаршим прудам, и вода в пруду была чёрной, как смола, и в ней отражались огни фонарей. Он рассказывал что-то о

своей командировке в Прагу, о старых улочках, о мостах, о пиве, которое там подают в подвалах.

Они остановились у пруда. Он повернулся к ней, и в свете фонаря его лицо было мягким, тёплым, настоящим.

- Алиса, - сказал он, и его голос был низким, почти шёпотом. - Я хочу тебе кое-что сказать.

Она посмотрела на него, и сердце забилось быстрее.

- Что?

- Я знаю, что ты не просто помощница, - сказал он, и в его глазах мелькнула тень. - Я не знаю, кто ты. Но я знаю, что ты что-то ищешь. И я знаю, что ты не скажешь мне, что именно. - Он сделал паузу, и его рука легла на её руку тепло, без давления. - И я хочу, чтобы ты знала: если ты пойдешь на Максима, я не смогу тебя защитить.

Алиса смотрела на него, и внутри неё всё сжималось. Что он знал? Он не знал всего, но он знал достаточно?

- Пойдём. Я провожу тебя до дома.

Они шли молча. Снег падал на их плечи, и фонари бросали длинные тени на асфальт. У её подъезда он остановился и взял её за руку.

- Спасибо за вечер, - сказал он тихо. - Я давно так хорошо не проводил время.

- Я тоже, - сказала она, и это была правда. Настоящая. Первая правда за долгое время.

Он улыбнулся, отпустил её руку и ушёл. Алиса смотрела ему вслед, и внутри всё дрожало. Она поднялась в квартиру,

открыла дверь и замерла.

На диване сидел Максим.

Он сидел в темноте, и только свет от уличного фонаря падал на его холодное, непроницаемое, как маска лицо. Он был в чёрном костюме, его руки лежали на коленях расслабленно, но она знала, что это обманка. Он всегда был напряжён. Всегда готов к прыжку.

- Хороший ужин? - спросил он, и голос его был ровным, как лезвие.

Алиса замерла в дверях. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Она не знала, как он вошёл. Не знала, сколько он ждал. Не знала, что он видел.

- Что ты здесь делаешь? - спросила она, и голос её дрогнул.

- Жду тебя, - сказал он, и в его глазах вспыхнул холодный огонь. - Я хотел поговорить. Но ты была занята.

Он встал, и его движения были плавными, как у хищника. Он подошёл к ней, и она почувствовала запах его одеколона: табак, кожа, что-то древесное. Он остановился в шаге от неё, и его глаза прошли по её лицу, по платью, по волосам.

- Ты провела с ним весь вечер, - сказал он, и это не было вопросом. - Ты пила с ним вино, смеялась над его шутками.

Она молчала. Она не могла отрицать. Он знал.

- Я видел, - сказал он, и в его голосе прорезалась сталь. - Я был у ресторана. Я видел, как вы шли. Я видел, как ты смотрела на него и как ты улыбалась ему. - Он сделал шаг вперёд, и теперь между ними было не больше десяти сантиметров. -

Ты улыбалась ему так, как не улыбалась мне.

Он наклонился к ней, и его дыхание коснулось её щеки. Обжигающее, с привкусом виски и мяты.

- Ты думаешь, я не знаю, кто ты? - прошептал он. - Ты думаешь, я не знаю, зачем ты здесь? Я знаю всё, Алиса. Я знал с первого дня. Но мне было интересно. Как далеко ты зайдёшь. Как долго выдержишься. И ты продержалась дольше, чем я думал.

Он выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах было что-то тёмное. Что-то, что было похоже на ревность.

- Ты хочешь его? - спросил он, и голос его стал хриплым. - Ты думаешь, он сможет дать тебе то, что нужно?

Она смотрела на него, и внутри всё леденело. Она не знала, что ответить. Она не знала, что чувствует.

- Я не знаю, - сказала она, и голос её был хриплым.

Он усмехнулся, и эта усмешка была тёмной, как вино.

- Зато я знаю, - сказал он. - Я знаю, что ты хочешь мои руки на своей коже. Я знаю, что ты хочешь, чтобы я взял тебя. Жёстко. Властно.

Он сделал шаг вперёд, и она отступила. Ещё шаг и она почувствовала спиной холодную стену. Он прижал её к стене, и его руки легли по обе стороны от её головы. Он запер её в клетке из своего тела. Она чувствовала его запах, его тепло, его силу. И она чувствовала, как внутри неё что-то сжимается тугим, горячим комом, который поднимается из глубины

живота и растекается по венам.

- Ты боишься меня, - сказал он, и его голос был низким, почти рычащим. - Но ты хочешь меня. Я вижу это. Я чувствую это. Ты дрожишь. Твоё сердце колотится. Твои зрачки расширены.

Он наклонился к её шее, и она почувствовала его горячее, влажное дыхание на своей коже. Он провёл губами по её шее легко, дразняще, и она невольно вздрогнула. Её тело предавало её. Оно хотело его. Оно хотело его так сильно, что это было почти физической болью.

- Я могу взять тебя прямо сейчас, - прошептал он, и его губы касались её кожи. - Здесь. У стены. Ты не сможешь остановить меня. Ты не захочешь останавливать меня. Ты будешь умолять меня. Ты будешь кричать моё имя.

Он поднял голову и посмотрел на неё. Его глаза были тёмными, как ночь. Его губы были приоткрыты, и она видела, как он тяжело дышит.

- Но я не буду, - сказал он, и в его голосе была сталь. - Пока ты не попросишь. Пока ты не признаешь, что ты моя.

Он отстранился на миллиметр, ровно настолько, чтобы между их губами осталось расстояние, которое можно было преодолеть одним движением. Она чувствовала его тепло, его запах, его присутствие каждой клеткой тела. Ей хотелось податься вперёд. Хотелось сократить это расстояние. Хотелось почувствовать его губы на своих. Но она не двигалась. Она ждала. И он видел это ожидание в её глазах.

Он убрал руки и отступил. Расстояние между ними снова стало непреодолимым. Она смотрела на него, тяжело дыша, и чувствовала, как внутри всё горит. Он знал. Он знал, что она хочет его. И он наслаждался этим.

- Почему? - спросила она, и голос её был хриплым.

Он повернул голову и посмотрел на неё. В его глазах не было ни капли нежности. Только холодный, расчётливый интерес.

- Потому что я хочу, чтобы ты запомнила этот момент, - сказал он. - Я хочу, чтобы ты лежала сегодня ночью в постели и думала о том, что могло бы быть. Я хочу, чтобы ты представляла мои губы на своих губах, мои руки на своей коже. Я хочу, чтобы желание сводило тебя с ума.

Он отвернулся и пошёл к двери. Она смотрела на его спину широкую, сильную, и чувствовала, как внутри неё всё дрожит. Он взялся за ручку, но остановился и обернулся.

- Завтра в девять, - сказал он.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Алиса осталась стоять у стены, и внутри неё всё горело. Она чувствовала на шее его дыхание, на коже его губы дразнящие, жадные. Она чувствовала, как белые хлопковые трусики стали влажными, и от этого ей хотелось кричать.

Она сползла по стене на пол и закрыла лицо руками. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Она была между двумя огнями. Поднявшись с пола, она сняла платье, чулки, туфли. Осталась только в белых трусиках. Она

посмотрела на себя в зеркало и увидела женщину с горящими глазами и припухшими губами, губами, которых не касались, но которые уже были поцелованы. Она провела пальцем по своей нижней губе, как он это делал, и почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Затем она легла в постель и закрыла глаза.

Глава 5. Ставка

Если бы Максим хотел её уничтожить, он сделал бы это вчера: тихо, без свидетелей, в квартире, куда вошёл, не оставив ни царапины на замке. Человек, который так входит, не собирается убивать. Он собирается играть. А с теми, кто играет, нужно договариваться, пока ты ещё фигура, а не доска.

Она открыла ящик с бельём и задержала руку над белым хлопком. Над талисманом. Потом задвинула его в самый угол и достала чёрный комплект, тонкое кружево, которое покупала для себя и ни разу не надевала. Это был ответ. Если он любит правила, пусть узнает, что она тоже умеет их писать.

Платье она выбрала тёмно-синее, глухое, с длинным рукавом: строгое ровно настолько, чтобы строгость превращалась в вызов. Волосы оставила распущенными. В зеркале на неё смотрела не серая мышь из вчерашнего плана, а женщина, которая собирается торговаться.

В приёмной Ангелина подняла глаза от монитора и на секунду задержала взгляд на её волосах.

- Он ждёт, - сказала она тихо. И добавила, почти не разжимая губ: - Что бы там ни было, не отводите глаз. Он этого не прощает.

Шторы в кабинете были раздвинуты впервые за всё время. Серый февральский свет заливал дубовый стол, и от этого

кабинет казался чужим, голым, лишённым привычного полумрака, в котором так удобно прятаться. Максим стоял у окна в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Без пиджака, без галстука. Без кинжала на столе, отметила Алиса. Вместо него посреди пустой столешницы лежала маленькая чёрная флешка.

Её флешка. Та, что жила в подошве левой туфли.

У неё похолодели пальцы, но лицо не дрогнуло. Этому её учили дольше всего.

- Садись, - сказал он, не оборачиваясь.

- Постою.

Он повернулся. Посмотрел на неё долго, с тем же ленивым интересом, как в первый день, только теперь в нём было что-то ещё. Уважение, поняла она. Опасное, как лезвие, на котором написано твоё имя.

- Двести сорок три фотографии, - сказал он. - Папка «Северного проекта» целиком, кроме последних трёх листов, которых там нет. Три сообщения куратору. Последнее ушло в 23:41. «Код 3719». - Он слегка наклонил голову. - Ты быстро работаешь. Я ждал дольше.

- Если ты знал, почему я здесь?

- Потому что ты здесь.

Он набрал на панели сейфа четыре цифры. Три. Семь. Один. Девять. Дверца открылась с тихим вздохом. Внутри лежала одна-единственная картонная папка.

- Я набирал этот код перед камерой в тот день, когда ты

пришла проверять «помехи», - сказал Максим. - Медленно. Чтобы увидела даже стажёрка. Парень из охраны жуёт жвачку, но он не идиот: он позвонил мне через минуту после твоего ухода.

Алиса почувствовала, как внутри что-то проваливается, мягко и беззвучно, как лифт, у которого оборвали трос. Два дня. Она гордилась этими двумя днями.

- В сейфе то, что ты хотел, чтобы я нашла, - сказала она ровно.

- В сейфе то, что я хотел, чтобы нашёл твой куратор. - Он положил папку на стол рядом с флешкой. - Красивая история. Старые грехи, подставные фирмы, мёртвые подрядчики. Правдоподобная на девяносто процентов. Остальные десять - моя маленькая страховка.

Она могла бы испугаться. Правильная реакция, нормальная реакция. Вместо этого в ней вдруг стало очень тихо и очень ясно, как бывает за секунду до прыжка.

- Тогда зачем ты мне это показываешь? Ты мог просто отдать меня своим людям.

- Мог.

- Но не отдал.

- Потому что мне нужен человек, который умеет находить то, что прячут другие. - Он обошёл стол и остановился напротив, не пытаясь сократить расстояние. - Ты за два дня нашла семь ошибок в отчёте, который писали профессионалы своего дела. Ты вычислила камеру, вычислила брата, вы-

числила, где лежит архив. Ты не ломала замков. Ты слушала. Мне это нужно. Не против меня. На моей стороне.

- На твоей стороне, - повторила она. - Прекрасно. А куратору что? Что я «установила наблюдение»?

- Ты будешь отправлять ему то, что разрешу я.

Вот оно. Не приказ, не угроза. Предложение, упакованное так, что отказ выглядел бы глупостью. Сделка с дьяволом, который умеет читать мелкий шрифт.

Алиса сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Теперь между ними оставалось полметра, и ей снова пришлось поднять голову, но в этот раз она сделала это нарочно.

- У меня три условия, - сказала она.

Его бровь едва заметно дрогнула.

- Слушаю.

- Первое. Я не отчитываюсь о том, с кем разговариваю и куда хожу после семи. Второе. Ты не приходишь ко мне домой без приглашения, никогда. - Она выдержала паузу. - И третье. Ты больше не отдаёшь мне приказов о белье.

Тишина затянулась. Где-то далеко, за стеклом, шёл снег, и город казался нарисованным.

- Первое, - сказал он наконец, - я приму, если ты не будешь врать мне в глаза. Второе приму полностью. - Уголок его рта медленно пополз вверх. - А третье... Скажи мне, Алиса, что на тебе надето сегодня?

- Не белые хлопковые.

В его глазах что-то вспыхнуло. Не насмешка. Что-то го-

раздо более голодное.

- Докажи.

Она могла сделать то, чего он ждал: потупить взгляд, покраснеть, выполнить приказ. Вместо этого она шагнула вплотную, взяла его за ворот расстёгнутой рубашки, чувствуя под пальцами горячую кожу и бешеный ровный стук где-то под ключицей, и сказала очень тихо:

- Сам.

Его дыхание сбилось. Всего на полвдоха, но она услышала. Она поняла, что это самая дорогая победа за всё время, которое она провела в этом здании.

- Ты же говорил, - продолжила она, не отпуская ворот, - пока я не попрошу. Так вот, Максим Сергеевич. Я прошу.

Он не двинулся. Только смотрел, и в этом взгляде был вопрос, настоящий, без игры, без маски.

- Ты уверена? - спросил он низко. - Скажи ещё раз. Мне нужно услышать.

- Да.

Он поцеловал её так, будто ждал этого с первого дня. Жёстко, глубоко, с привкусом кофе и сдержанной ярости, которую он наконец спустил с цепи. Алиса ответила с тем же отчаянием, вцепившись в его плечи, прижимаясь всем телом, и услышала его низкий хриплый звук, от которого по позвоночнику прошла горячая волна. Его руки скользнули по её спине, нашли молнию платья, медленно, виток за витком, расстёгивая её, и ткань скользнула с плеч на пол с мяг-

ким шорохом.

Он отстранился ровно настолько, чтобы увидеть.

Чёрное кружево на её коже. Свет из окна на ключицах, на изгибе талии. Алиса стояла перед ним в тёмной ткани и чувствовала, как его взгляд проходит по ней, не торопясь, и ей казалось, что он касается каждого дюйма.

- Чёрт, - выдохнул он. - Ты специально.

- Я же сказала. - Она улыбнулась. Впервые за много дней по-настоящему. - Я умею писать правила.

Он рассмеялся, коротко, низко, и этот смех был таким неожиданным, таким живым, что у неё что-то сжалось в груди. Потом подхватил её за бёдра и посадил на край стола, прямо на разложенные отчёты. Бумаги разлетелись по полу, но никто из них не обернулся.

Его губы прошлишь по её шее. Ниже. К ключице, к тому месту, где бешено билась жилка. Алиса запрокинула голову, ловя воздух ртом, и её пальцы запутались в его тёмных волосах. Он расстегнул застёжку на её спине одним движением, и она вздрогнула, когда его горячие ладони накрыли её грудь, а губы последовали за ладонями.

- Скажи, если слишком, - прошептал он у самой кожи.

- Не слишком, - выдохнула она. - Продолжай.

Она потянула его рубашку вверх, и он помог ей, не отрывая рук от её тела. Паук на его груди выгнул чёрные лапы под её ладонями; она провела пальцем по рисунку и почувствовала, как под кожей перекачиваются мышцы. Он был горя-

чим, почти обжигающим, и пах так, что у неё кружилась голова: перец, бергамот, табак. Запах, который она запомнила в первый день и, как поняла сейчас, не забудет никогда.

Когда он потянул кружево вниз, Алиса приподнялась, помогая ему, и услышала его шумный, рваный выдох. Его пальцы прошли по внутренней стороне её бедра, медленно, мучительно медленно, и она уткнулась лицом ему в плечо, чтобы не вскрикнуть. Он нашёл ритм, от которого мир сузился до одной точки, до его дыхания у уха и его голоса, шепчущего её имя так, будто оно было молитвой или проклятием.

- Смотри на меня, - сказал он. - Не отводи глаз.

Она посмотрела. Серая сталь его глаз потемнела почти до чёрного, и в них не было больше ни холода, ни расчёта. Только она. Эта правда оказалась страшнее любой угрозы.

Когда он вошёл в неё, Алиса обхватила его ногами и притянула ближе, и мир взорвался белым светом. Они двигались вместе, в такт дыханию, задыхаясь, сжимая друг друга так, будто тонули. Стол скрипел под ними, где-то на полу шелестели бумаги, и серый снег всё падал и падал за стеклом. Она услышала собственный голос, срывающийся, хриплый, и его, низкий, у самого уха:

- Алиса. Алиса, чёрт, посмотри на меня...

Волна накрыла её раньше, чем она успела подготовиться. Она вцепилась в его плечи, выгнулась, прикусив его кожу, чтобы не закричать, и почувствовала, как следом, с тихим рычащим стоном, срывается он, прижавшись лбом к её пле-

чу.

Потом они долго молчали.

Она сидела на краю стола, всё ещё обхватив его ногами, чувствуя, как постепенно возвращается слух. Тиканье настенных часов. Далёкий гул лифта. Его сердце, которое колотилось так же бешено, как и её собственное. Он провёл губами по её виску. Ни насмешки, ни приказа. Просто тепло.

Первой пришла в себя Алиса. Профессиональная привычка: даже сейчас, раздетая, растрёпанная, дрожащая, она не могла выключить ту часть мозга, которая считает, запоминает и сопоставляет. Она потянулась за платьем, и взгляд упал на папку.

- Ты сказал «десять процентов», - произнесла она, застёгивая молнию. - Что в этих десяти?

Максим застегнул рубашку. Движения его снова стали спокойными, точными, будто минуту назад не он сорвал пуговицу.

- Подрядчик, - сказал он. - Виктор Соколов.

- Живёт в Испании. На вилле.

- Кто тебе это сказал?

Она поймала себя на том, что уже открыла рот. И закрыла. Потому что в его вопросе не было угрозы, только внимание хищника, который заметил, как дёрнулась трава.

- Неважно.

- Это важно. - Он смотрел на неё очень спокойно. - Потому что три года назад я стоял на Троекуровском кладбище

и бросал горсть земли на гроб Виктора Соколова. Я лично заплатил за памятник.

Алиса молчала.

В архиве, среди пыльных стеллажей, был только один человек, который рассказывал ей о вилле на побережье. Тёплый, спокойный человек в серой футболке, который сказал: «Я здесь, чтобы помогать».

- Я никому об этом не говорил, - тихо добавил Максим.
- Даже ему.

В кабинете стало очень тихо. И Алиса вдруг поняла, что сегодня она заключила не одну сделку, а две, и вторая только что началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.